

К. Морозов

«На железной дороге»

Интересно выражена тема Родины в стихотворении «На железной дороге». Поэт нарисовал не только типичный бытовой пейзаж России начала века, но и создал новый образ-символ России — молодую девушку «в цветном платке, на косы брошенном», трагически сводящую счеты с жизнью.

Под насыпью, во рву некошенном,
Лежит и смотрит, как живая,
В цветном платке, на косы брошенном,
Красивая и молодая.

Какая удивительная цветовая переключка — между некошеным рвом и платком самоубийцы! Это краска, роднящая героиню с обликом родной земли.

У стихотворения есть своя предыстория. Летом 1910 года Блоку потребовалось съездить по делам в Петербург из Шахматова. Свой обратный путь он описал в письме Е. Иванову:

«Я сидел один... Какая тупая боль от скуки бывает! И так постоянно — жизнь «следует» мимо, как поезд; в окнах торчат заspanные, пьяные, и веселые, и скучные, — а я, зевая, смотрю вслед с “мокрой платформы”. Или — так еще ждут счастья, как поезд ночью на открытой платформе, занесенной снегом».

Эти мимолетные впечатления тут же разительно трансформировались, в них вошло что-то от знаменитой сцены из толстовского «Воскресенья», когда Катюша Маслова бежит на станцию к поезду Нехлюдова, и от некрасовского стихотворения «Тройка» («Что ты жадно глядишь на дорогу...»). На замысел стихотворения могло повлиять и письмо Евгения Иванова, где он рассказывал о виденной им самоубийце — девушке 13–15 лет, лежавшей возле придорожной канавы.

Обыкновение провинциальных жителей выходить посмотреть на проходящие поезда претворяется у Блока в символ пустоты существования, попусту пропадающих сил. Нехитрые радости и упования простодушной девушки («Быть может, кто из проезжающих посмотрит пристальней из окон...») переключаются с жаждой иного, осмысленного, разумного существования, которой томится и сам Блок, и все лучшие в стране и народе. Но все эти ожидания напрасны:

Вставали сонные за стеклами
И обводили ровным взглядом
Платформу, сад с кустами блёклыми,
Ее, жандарма с нею рядом...

Рядом с девушкой — прозаический жандарм, куда более реальный и вечный спутник русской жизни, русского пейзажа, русской судьбы.

«Везде идет дождь, везде есть деревянная церковь, телеграфист и жандарм», — писал Блок о русских станциях.

Так в частной судьбе проступают глубоко трагические черты времени, черты России.

Социальное содержание стихотворения выражено невероятной силы лиризмом:

Вагоны шли привычной линией,
Подрагивали и скрипели;
Молчали желтые и синие;
В зеленых плакали и пели.

Молчание вагонов для «чистой публики», их «пустынные глаза», «ровный взгляд» их «сонных» обитателей — вот чем отвечает жизнь на волнение и жажду счастья, в чем бы сердце они ни таились.

И вот финал, такой же, как у героя в стихотворении Блока «Поздней осенью из гавани...» Его крик: «Всё потеряно, всё выпито! Довольно — больше не могу...» — сливается с горькой женской жалобой: «Да что — давно уж сердце вынуто!.. всё больно...» Больно поэту, сопереживающему своей родине, больно простому русскому народу, чья судьба — быть обреченным на нескончаемую, беспросветную муку — больно всей России.